

ГЕНН КОРНИЛОВ (Чебоксары)

О ГОМОГЕННЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ВЕНГЕРСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Хотя языковеды вполне справедливо относят чувашский язык к тюркским, а венгерский к финно-угорским, остаются еще открытыми вопросы о конкретных моментах этнических и языковых контактов в далеком прошлом, в частности, доля и характер участия финно-угорского и собственно угорского субстрата в формировании прабулгаро-чувашских наречий, доля и характер участия тюркского *r*-, *l*-язычного субстрата в формировании правенгерских диалектов и говоров. И это несмотря на наличие таких известных обобщающих трудов, как книга З. Гомбоца (Gombocz 1912), фундаментальный трехтомный историко-этимологический словарь венгерского языка (TESz) и множество статей по частным вопросам взаимодействия и взаимосвязей. Не видя смысла в пересказе истории вопроса (см. почти исчерпывающую библиографию по каждому слову в TESz), предлагаем результаты непосредственного прочтения чувашеведом-тюркологом венгерских грамматик и словарей в плане выявления дополнительных грамматических и лексических параллелей.

К наиболее бесспорным общим грамматическим формам несомненно и в первую очередь следует отнести следующие.

1. Суффиксы каузатива; ср. венг. *-at*, *-et*, *-tat*, *-tet*: *adni* > *adatni*, *olvasni* > *olvasatni*, *ütni* > *üttetni*, *enni* ~ *eszik* > *etetni* и т. п. с чув. *-at*, *-et*, *-t*: *tõrni* 'стоять' > *tõrat* 'поставить, заставить стоять', *vaskani* 'торопиться, спешить' > *vaskat* 'торопить, заставить спешить', *væreni* 'кипеть, вариться' > *været* 'заставить кипеть, кипятить, варить' и т. д.

2. Суффиксы квазиинфинитива — имени действия; ср. венг. *-ni* в глаголах *rohanni*, *fellendülni*, *gyözni*, *megalakulni* и т. п. с чув. *tavãnni* 'нападать, нападение', *çarãlni* 'оживляться, оживление', *şan(ter)ni* 'победить, побеждать; победа', *tusaçuni*, *pulsatãni* 'создавать, создаваться; создание' и т. д.

3. 1 л. ед. ч. изъявительного наклонения; ср. венг. *ittam*, *ettem*, *hittem*, *tettem*, *vettem*, *vitettem* и т. п. с чув. *ĩsrãm* 'я пил (выпил)', *şirãm* 'я ел (съел)', *ænepdãm* 'я верил (поверил)', *turãm* 'я сделал (делал)', *ildãm* 'я взял (брал)', *jãtrãm* 'я носил (нес)' и т. д.

4. Местный падеж; ср. венг. *mellett* < *mell*, *lent* < *lenn*, *fent* < *fenn* и т. п. в застывших формах т. н. наречий места с чув. *malba* 'вперед, спереди', *ajalba* 'внизу', *sülbe* 'вверху' и т. д. (калм. *hald* 'в огне', манс. *vort* 'в лесу').

5. Дательно-направительный падеж; ср. венг. *ala* < *al*, *lefelé*, *ra*, *be* и

т. п. с чув. *ajala, ajalalla, sine, äšne* и т. д. (хант. *χota* 'в дом', чув. *šurda* 'в дом').

6. Наречия образа действия; ср. венг. *ketten, härman, hármában, gyorsan, sebesen, erösen* и т. п. с чув. *ikkän* 'вдвоем', *viššän* 'втроем', *χävärttän* 'быстро, скоро', *širäppän* 'крепко, сильно' и т. д.

7. Признак притяжательности 1 и 3 л. ед. ч.; ср. венг. *az én szobám, az én szobáim, az én asztalom, az én asztalaim, az én székeim, az én székeim* и т. п. с чув. *man pülämät (pülämämzem)* 'моя комната (комнаты)', *man sädeläm (sädelämzem)* 'мой стол (мои столы)', *man säöäm (säöämzem)* 'моя скамья (мои скамьи)' и т. п.; венг. *az ő széke*, чув. *un(än) sägä, säkki* 'его стул'; венг. *az ő szobája, az ő belseje* и т. д. с чув. *un(än) aβžijä* 'его ребенок', *un(än) kämacijä* 'его печка' и т. д.

8. Некоторые окончания-послелогии: ср. венг. *-szer, -ször, -szor: egyszer, kétszer, először, néhanyszor* и т. д. с чув. *-šer, -šar: pärežer* 'по-одному', *ulmažar* 'по яблоку (каждому по одному яблоку)' и т. д. (сельк. *kočäry* 'по десяти').

9. Притяжательно-относительный показатель *-i*: ср. венг. *itteni < itt(en), heti < hét, téli, télies < tél* и т. д. с чув. *kundj* 'здесьшний', *erneri* 'недельный', *χällexi* 'зимний' и т. д. (манс. *tal* 'зима' > *tali* 'зимний').

Перечисленные и им подобные общности могут восходить к ностратическому, урало-алтайскому или к более позднему праязыку (прадиалекту), могут быть в той или иной части результатом влияния, но в любом случае нуждается в доказательствах тезис об их гетерогенности, а не закономерный вывод об их предположительной гомогенности, вытекающий сам собой из материальной и семантической идентичности, функциональной равнозначности.

Если столь очевидны чисто грамматические параллели, то общее лексическое наследие должно быть еще шире и глубже. Однако нет определенного перечня признаков, на основе которых можно выделить генетически общую лексику из общей массы сходных по звучанию и по значению слов. Теоретически должны быть слова, случайно совпадающие в звучании и значении в обоих языках; слова, заимствованные в разные эпохи из одного языка в другой; слова, заимствованные обоими языками из общих третьих источников; слова, близкие по звучанию и значению по причине прямого или в той или иной степени отдаленного родства. Особые и довольно многочисленные случаи представляют собой параллели, для объяснения которых приходится обращаться к весьма значительному в обоих языках фонду имитативов, представленному совокупностью подражательных корней и их производных, ср. венг. *csillag* и чув. *šälpäär* 'звезда' (Корнилов 1973).

Венг. *csillag* 'звезда' образовано на базе радикаоида *csilla-, csillo-*, вычленяемого в составе: *csillam* 'глянец, слюда', *csillámlani* 'сверкать, мерцать, блестеть', *csillani* 'блеснуть, сверкнуть', *csilár* 'люстра', *csillögás* 'блеск, сверкание', *csillogni* 'блестеть, сверкать; отражать свет', *csillogó* 'блестящий, сверкающий', при наличии пространственно-хронологических, диалектных и исторических, аллоформ (вариантов): *csylag, csilak, csillagok, csellag, csöllag, csillog, sillag*. TESz правильно связывает *csillag* 'звезда и т. д.' с глаголами *csillog-* и *csillan-* 'блестеть, сверкать', считая ауслатный *-g* суффиксом, повторяющимся в словах типа *harag, világ, virág, daganag*. Что же касается структуры и образования самих глагольных основ, то считается вероятным их финно-угорское звукоподражательное происхождение, ср. коми *čil* 'искра', удм. *čllany* 'блестеть, сверкать, сиять'. На самом же деле, даже если исключить полностью возможность заимствований и переаимствований, все равно необ-

ходимо учесть богатейший сравнительный материал, представленный тюркскими соответствиями и производными чувашских первичных имитативных корней типа *jal-*, *jall-*, *jāl-*, *jäll-*, *jul-*; *sel-*, *säl-*; *šäl-*, *šul-*; *čäl-*, *čäl-*; *šal-*, *šäl-* *šäl-* и их аллоформ, символизирующих огонь, свет, пламя; излучение, сияние, свечение в зависимости от природы, интенсивности, силы, длительности, характера прерывности, а также сопутствующих зрительных, слуховых и психофизиологических эффектов; их первичность доказывается соответствием артикуляционно-интонационного образа внутренней реакции, которая вызывается зрительным, слуховым и мысленным восприятием того или иного объекта; их поливалентность заключается не только и не столько в том, что они обозначают разнообразные световые и тепловые эффекты, а в том, что они совмещают в себе одновременно свойства глагола (ультраграммовенный подвид, аспект повторяемости, длительности и т. п., достигаемые фонетическими средствами) и имени (существительного, прилагательного и причастия). Эту стадию функционирования приведенные и им подобные имитативы уже утратили в современном венгерском языке, где, как видим, имеются лишь вторичные производные; не в чувашском языке и в некоторых тюркских названную стадию еще нельзя считать окончательно изжитой, хотя под влиянием мощного потока заимствований из русского языка и интернациональных источников через русский язык употребительность первозданных имитативов неуклонно снижается; параллельно выходу из активного запаса чистых (непроизводных) имитативов, разумеется, снижается употребительность и некоторых производных, но не столь стремительно. Еще сохраняются фонетически созвучные венг. *csillag* производные типа *čalak* 'горячий; резкий, резвый, прыткий' и т. п., но, напр., *čäla* 'рябой, рябющий, пестрящий; мелькающий, мерцающий и т. п.' употребляется только в составе композиты *ula-čäla* 'пестрый'. Указанные финно-угроведами параллели к венг. *csillag* типа мар. *čolgyžäš-* 'блистать, блестеть' недопустимо рассматривать в отрыве от тюркских, где они имеют до конца прозрачную структуру, ср. хотя бы чувашскую основу *jalčäžas-* 'сиять, сверкать, блистать, блестеть' от рефлексива *jalčäs-*, образованного в свою очередь от имитатива-интранзитива *jal-*. Что же касается приведенного в TESz эрз. *čildor-*, *fillor-* в составе *čildor mölems-* 'блестеть', то оно несомненно стоит в одном ряду с чув. *šildör*, *šälbär* 'звезда', *šildör-* 'искрить, излучать, источать свет', *ššaldör-* 'стремительно исходить из какой-либо точки в разные стороны; мерцать — о звездах', *šildär* 'выделения у коровы перед отелом или перед огулом; знак (признак)'; *jildör-*, *jalbär-* 'блеснуть, сверкнуть; заблестеть, засверкать', а также, может быть *jalbär* 'лыжи', совмещающее в себе идею фиксированного скольжения и поверхностного отражения. MSzFE объединяет венгерские слова с кар. *šilkettöä* 'glänzen, schimmern' (I 118).

К первичным поливалентным имитативам восходят и такие венгерско-чувашские параллели, как, например, нигде не отмеченные в подобном качестве: венг. *ágál-* 'драть горло' и чув. *anäl-*: *anälvat-* 'хотеть; яриться — о жеребце или кобыле'; венг. *akar-*: *akarás* 'хотение, желание' и чув. *anär-* 'волеизъявлять, ржать и т. д.'; венг. *anya* 'мать' и чув. *an(n)e* то же; венг. *ápolás* 'уход, ухаживание': *csecsemő ápolás* 'уход за грудными детьми' и чув. *ap(p)alaš-* 'возиться, нянчиться': *čäčämenve ap(p)alaš* 'нянчиться с грудным ребенком'; венг. *báb* 'кукла', *baba* 'кукла, малютка' и чув. *pavi* 'малюточка'; венг. *balga* 'нелепый, блаженный' и чув. *palga* 'болтун, вздорный'; венг. *beder* 'пере-

крученная пряжа' и чув. *pədər-* 'крученный, сученый, витой'; венг. *bocsát-* 'пускать, выпускать, освобождать' и чув. *požat-* 'опорожнять, освобождать'; венг. *bodor* 'оборки' и чув. диал. *pövdör* 'мочало для веревок; мочальные веревочки; вьющийся'; венг. *bojtorján* 'лопух, репейник' и чув. *polvdöran, pultran* 'борщик'; венг. *boldog* 'счастливый' с производными типа *boldogulás* 'успех, удача', *boldogul-* 'иметь успех' и чув. *polvdök 'свершение, удача' от *pol-* (*pul-*) 'становиться, быть'; венг. *bolygat-* 'беспокоить, мешать; трогать что-либо с места' и чув. *pəlhatni* 'приводить в движение, беспокойство; тревожить и т. п.'; венг. *bor* 'вино, винный' и чув. *pör-*: *pörni* 'хмельной мед'; венг. *borsó* 'горох' и чув. *pörza* то же; венг. *borz* 'барсук' и чув. *porăš, purăš* то же; венг. *bölcs* 'мудрый, мудрец' и чув. *pöliš(ə)* 'ученый, знаток'; венг. *bugy(gy)* 'капля' и чув. *pöt, pač, pəl, pəč* 'кап-, капать; бульк-, булькать и т. п.'; венг. *csáb-*: *csábár* 'убежавшее на волю домашнее животное' и чув. *čor-, čur-*: *čor-kän, čurkän* 'беглец, беговой, бегунец, не любящий сидеть дома, распутник'; венг. *csakk, cakk* 'зубец, выступ, кайма и т. д.' и чув. *čak(k)*- 'стоять торчком, торчать, выступать; торчащий, выступающий'; венг. *cakkrakk* 'наспех, наскоро, внезапно. вдруг' и чув. *šakmak* 'погремушки; стук-бряк'; венг. *cankó* 'особый вид птиц' и чув. *čan(k)a* 'галки, вороновые; ведущий себя шумно'; венг. *sapa, soro* 'покрытие, покрывало, шагреня (зернисто-чешуйчатая, рельефно обработанная кожа лошади, осла или свиньи)' и чув. *šappa-, šoppo-*: *šappa, šoppo šaramas* 'с оголенной кожей, нагой, обнаженный'; венг. *cibál-* 'дергать, тереть и т. п.' и чув. *tǝv-əl-dar-* 'дергать, выдирать, искоренять и т. п.'; венг. *cibere, csibere, csibre, cibrék, ciber, ciböre* 'кислое супообразное блюдо, подливка, соус и т. п.' и чув. *šǝpře, šappäre* 'гуша, осадок, подонки, дрожжи, закваска, барда, брага'; венг. *cici* 'грудной сосок', *csecse* 'сосок' и чув. *čəčə, tšəbžə* 'женская грудь, сосны, вымя'; венг. *citéráz-* 'дрожать от страха (холода)' и чув. *čətareni-* 'дрожать'; венг. *compó, csompo, csumpo, campó* 'вид донной рыбы, линь' и чув. *šamva, šompo* 'налим, оголец, донная пузатая рыба с очень мелкой чешуей'; венг. *cötkény* 'собачье (волчье) молоко; клей и т. п.' и чув. *sötkeñ* 'сок; жидкость, имеющая свойства или качества, или вид молока'; венг. *cuppan-* 'чмокнуться' и чув. *čur-* 'чмок'; венг. *csabak* 'род плотвы, рыба из семейства карповых' и чув. *šovaç, šuvaç* < *čapak, 'лещ; плотва; карповые'; венг. *csáklya* '(шлюпочный, рыболовный) крюк, багор; кривулина, сучкастое дерево' и чув. *šekəl, šeklə* 'крюк для подвешивания'; венг. *csalán*, аллоформы: *csilán, sillán, silány* и т. д. 'крапива жгучая' и чув. *šəlan, šǝlan* 'шиповник, колючка'; венг. *csalös, csátis, csalös* 'кособокий, косой, кривой, наклонный' и чув. *čəlăš* то же; венг. *csap-* 'бить, ударять, хлестать, хлопать; бить шерсть' и чув. *šap-* то же; венг. *csavar-* 'крутить, вертеть, ввинчивать...' и чув. *šəvər-* то же; венг. *csecse* 'красивый, хорошенький и т. п., детские игрушки' и чув. *tətte* то же; венг. *csecsemő* 'младенец, грудной ребенок, дитя' и чув. *čəčəmen* 'сосущий грудь'; венг. *csekle, csikle* 'ловушка, клетка для птиц' и чув. *čitləç, čikləç* 'клетка для птиц, ловушка, маточник пчеловода; чердак сарая'; венг. *csemcseg, csámcsog* 'жевать, чавкать' и чув. *čəmčəçə* 'дрянь, дрянной, *жеванный'; венг. *cseng-* 'звонить, звенеть, звучать' и чув. *čənk, čənk* и т. п. 'звяк-, бряк- и т. п.'; венг. *csepe* 'дубнячок' и чув. *šəpə* 'сучья, тальник и т. п.'; венг. *csepereg-* 'крапать, моросить' и чув.

šāvārdat- то же; венг. *csér* 'вид чайки' и чув. *čar*-: *čarlan* 'чайка, цапля'; венг. *cséve* 'полый предмет, ствол и т. п.' и чув. *čavə* 'дыбки и т. д.'; венг. *cseveg* 'легкий разговор' и чув. *čavəl*- 'щебетать и т. д.'; венг. *csibe* 'цыпленок' и чув. *csivə* то же; венг. *csiga* 'моллюск, улитка; спиральный и т. д.' и чув. *šigə* 'дровосек, короед и т. д.'; венг. *csikor(o)g*- 'скрипеть, потрескивать, похрустывать' и чув. *čəḱārdat*- то же; венг. *csilingel*- 'звонить' и чув. *šilink* 'звуки некоторых птиц' и т. д. Только в пределах первых четырех букв TESz насчитывается более двухсот (!) подобных параллелей, а в словаре в целом их оказывается около двух тысяч (!), что в четыре с лишним раза превышает количество выявленных и возможных параллелей между венгерским и пермским. Объяснение этому феномену автор видит не только в факте длительного и интенсивного исторического контактирования—взаимодействия болгаро-чувашского поочередно с венгерским и с пермским, но и в структурно-типологической общности производящих корней-имитативов в большинстве языков Евразии.

Разумеется, среди венгерско-чувашских параллелей имеются и общие заимствования из третьих языков, среди которых больше и легче всего выделяются заимствования из позднеевропейских языков, особенно из славянских, ср. венг. *ebéd* и чув. *avat* 'обед', венг. *asztal* и чув. *šadel* 'стол', венг. *gereblye* и чув. *kəreple* 'грабли', венг. *parlag* и чув. *parlak* 'поле, перелог', венг. *cseter* и чув. *četvört* 'четверть' и др. Критерий здесь один и весьма надежный: основа имеет индоевропейские параллели и достаточно прозрачную структуру в общеславянском или в отдельном славянском языке, в то же время как на материале урало-алтайских она не разложима или разложима по причине ложного пересмысления. Однако среди внешне безупречных славянизмов встречаются и такие, которые кажутся безупречными только благодаря высокой степени употребительности в славянских, наличие тесных связей с другими слоями лексики и сложному дереву словообразования, ср. славянские параллели рус. *заяц*, *сорок*, *таракан* и т. п., восходящих к тюркским «прототипам».

С точки зрения общеисторической и в плане истории конкретных языков, особенно — для реконструирования разных сторон былых живых этнических контактов, наибольший интерес представляют, разумеется, сепаратные венгерско-чувашские параллели. Выявление последних, однако, сопряжено подчас с большими трудностями. Более или менее безупречны здесь только такие чувашские (древнечувашские) слова в венгерском, которые имеют сонорные согласные *-r*, *-l*, *-r*, *-l* на месте общетюрк. *-z*, *-š*, *-z*, *-š*: *borjú*, *borja* при совр. чув. *pöru*, *ökör* при совр. чув. *vəḱör*, *gyümölcs* при чув. *šiməš* < *šimölc, *iker* при чув. *jakar*, *író* при чув. *irə*, *ír*- при чув. *šir*-, *kanyaró* < *karanyó* при чув. *čərləχəñ*, *kölyök*, *kölök* при чув. *kolak*, *tenger* при чув. *tenger, *térd*, *térgy* при чув. *ššar(ši)*, *tür* при чув. *türs, *tükör* при чув. *taḱar* и т. д.

Но и среди подобных, единогласно принятых самыми надежными, многие вызывают дополнительные, отнюдь не радужные, размышления. Так, из работы в работу по сей день кочуют сопоставления типа венг. *szőlő* 'виноград, *vitis vinifera*' с чув. *širla* 'ягода, ягоды; *виноград, *гроздь'; венг. *tür*-: *türelem* 'терпение' и чув. *tür- 'терпеть' (в современной речи вытеснено заимствованием из кыпчакских *tüs*- то же); венг. *író* 'пахтанье — молочный продукт' и чув. *irə*: *əñejri* и т. д. Но чув. *širla* 'ягода' безупречно сопоставимо с параллелями типа рум.

ghirla-: *ghirlándă*, ит. *ghirla-*: *ghirlanda* и т. п. (Корнилов 1980 : 105), в свою очередь, несомненно гомогенный корень *tr-*: *türelem* обнаруживается в славянских параллелях рус. *-tr-*: *тепнуть*, а при условии допустимости восстановления утраченного согласного инициала-анлаута чув.

ír-: *írti* 'первое молоко после отела' сопоставимо с рус. диал. *сырь* тоже. При учете подобных (как выяснилось, многочисленных) фактов совсем не просто однозначно ответить на вопрос, являются ли подобные булгаризмы (чувашизмы) венгерского языка таковыми и в славянских, романских и других европейских языках, или речь должна идти об общих заимствованиях в венгерский и болгаро-чувашские из третьих источников?

В случае первого ответа придется сделать вывод о наличии в славянских, романских и т. д. обширного еще и наполовину не выявленного пласта тюркских *r-*, *l-*язычных заимствований, в случае второго ставится под сомнение сама (более двух столетий активно разрабатываемая) проблема былых сепаратных гунно-болгаро-чувашско-венгерских этно-глоттоконтактов.

Из сказанного ясно, что если основа лишена признаков ротацизма и ламбдаизма, то доказать болгаро-чувашское происхождение ее в венгерском во много раз труднее, хотя в отдельных случаях это и представляется до некоторой степени возможным. Например, в венгерском языке от основы *agyar*, имеющей надежные финно-угорские параллели, известны рефлексив *agyarkodik* и вторичное качественное имя *agyarkodás*, наличие основы *agyar* в виде чувашского мужского языческого имени *Адыр* (Магницкий 1905 : 25; № 41) можно объяснить заимствованием из венгерского, так как собственно чувашской этимологии основа еще не имеет.

Другой случай касается венг. *börtön*, объясняющегося из чув. диал. *pörtöm* 'сени; пристройка к дому, где прежде держали под домашним арестом', имеющего прозрачную структуру.

В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина (XV 203) имеется темное слово *čimmi* в составе *čimmi kurgi* 'чаша (наполненная?) чимми', употребленного в описании старинного обычая: *čükleme sârine, čimmi kurgine äžeššä de muhtaššä aslâ äskinöze* 'жертвенное пиво (напиток), чашу (полную) чимми, выпивают и восхваляют на великом пиру своем'. Не восходит ли это слово к архетипу венг. **csemege*, имеющего в диалектах и памятниках варианты: *csimege, csemege, csemöge, csemegez, csamiga, csemnege* 'мед-напиток; род напитка; лакомство; фрукт; процеженный виноградный сок, муст и т. п.'

Если бы мы точно знали об отсутствии тюрко-монгольских (хотя бы диалектных) параллелей, то с некоторой уверенностью могли бы возводить чув. *šäpäl* 'заостренная, чаще всего из молодого дубка палка для сдиранья коры со старой липы или вяза' к венг. *cseple* 'древесные побеги; кустарник; подлесок; мелколесье; вид травянистого растения', откуда производное *csepeles* 'молодой лесок; дубовая поросль'.

До сих пор все исследователи ставили и продолжают ставить вопрос только о болгаро-чувашском влиянии на венгерский, задачу выявления фактов обратного воздействия можно считать не только не решенной, но и по-настоящему не поставленной. А о том, что и традиционная постановка вопроса нуждается в новых ревизиях, можно судить хотя бы по следующим примерам.

В своем «Этимологическом словаре чувашского языка» (Чебоксары 1964) В. Г. Егоров привел башкирскую параллель чувашского рефлексива *appalan-* 'возиться, заниматься каким-либо кропотливым делом'

и заключил: «Этимология нам не известна». На деле же в этой глагольной форме четко вычленяется суффикс рефлексива *-lan*, а остающийся радикаксид **appal-* прямо соответствует венг. *ápol-* 'ухаживать, ходить за кем-либо, холить кого-что-либо'. В чувашском имеется еще форма рефлексива на *-aš*, *-eš*, и с этим суффиксом известна венгерская форма *ápolás* 'уход, ухаживание', например: *csecsemőápolás* 'уход за грудными детьми' (в чувашском языке теперь это звучит *ĉăĉatenve ar(p)alaš-*). В венгерской форме *ápol-* долгота начального гласного — результат аналогии или омонимического отталкивания, либо компенсации перехода следующей геминаты в разряд негеминированных смычных; предшествующий фонетический облик был **apal-*, *appal-*, где подлинный корень **apa-*, *appa-*, а второй слог *-(a)l* представляет собой древний общетюркский показатель рефлексива, имевший первоначально не только грамматическое, но и лексическое значение. Реконструированный таким образом корень **appa-* сближается с именем *appa*, имеющим в различных тюркских языках значения 'мать; старшая сестра; тетка; старший родственник по прямой линии'. Буквальное значение форм *ápol-*, *appalan-*, *appalaš* 'быть матерью, быть нянькой кому-чему-либо, нянчиться'. Рус. *нянчиться* и чув. *appalaš-* — одинаково прозрачные, полностью совпадающие по значению и структуре кальки. Это, возможно, один из «неоспоримых» чувашизмов венгерской речи, свидетельствующих о былых непосредственных сепаратных связях (в TESz помета «неизвестного происхождения»).

Нуждаются в уточнениях и некоторые чувашизмы в венгерском, выявленные еще З. Гомбоцем (см. Gombocz 1912). Например, совр. венг. *bögöly* 'овод, слепень' он возводил к древнечувашскому архетипу **bügel*, из которого выводил совр. чув. *pĕvan*, *poan*, *puan* и т. д. 'овод, слепень'. Нам представляется более убедительным венгерскую основу сравнивать с чув. *pəgə(rə)l(ĉen)* — название для различных крылатых насекомых с согнутым туловищем, кусающих домашних животных, образованным от рефлексива *pəgəral-* 'сгибаться, гнуться, изгибаться; горбиться, скрючиваться', в основе которого имя *pəgə* 'дуга, дужка; что-либо согнутое', в свою очередь восходящее к транзитиву *pək-* из **pük-*, *büg-* 'гнуть, согнуть, сгибать', имеющему надежные общетюркские параллели и представляющему собой чистый имитатив.

Остается в силе выведение венг. *bölcs* из архетипа на базе транзитива *pĕl-* 'знать, узнать, познать, вызнать' вопреки ложному мнению о якобы вторичном, вставочном характере *-l-* в венг. *bölcs* 'мудрец, философ'.

Венгерская лексика и грамматика в плане этимологии и происхождения нуждаются в новых прочтениях и дополнительном осмыслении многими специалистами не только по чувашскому и другим тюркским, но и по большинству евразийских языков. Обилие помет типа «неизвестного происхождения», «спорного происхождения», «темного происхождения», «неясного образования» и т. д. в TESz говорит о том, что задачи эти останутся актуальными еще не для одного поколения лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

- Корнилов Г. Е. 1973, Евразийские лексические параллели. К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей I, Чебоксары.
 — 1980, Теория имитативов и данные чувашских диалектов (К теории имитативов — IV). — Диалекты и топонимия Поволжья 8, Чебоксары.
 Магницкий В. К. 1905, Чувашские языческие имена, Казань.
 Gombocz, Z. 1912, Die bulgarisch-türkischen lehnwörter in der ungarischen sprache, Helsinki (MSFOu XXX).

GENN KORNILOV (Čeboksary)

ÜBER HOMOGENE ERSCHEINUNGEN IM UNGARISCHEN UND TSCHUWASCHISCHEN

Vom Autor werden homogene grammatische und lexikalische Erscheinungen im Ungarischen und Tschuwaschischen behandelt; z. B. grammatische: Kausativ- und Quasiininitivsuffixe, Endungen der 1. Pers. Sing. Indikativ, des Lokativs (in erstarrten Formen der Lokaladverben), des Dativs-Illativs, Suffixe des Modaladverbs, Possessivsuffixe der 1. und 3. Pers. Sing., das Merkmal -i, einige postpositionale Endungen — z. B. lexikalische: Entlehnungen verschiedener Perioden aus einer Sprache in eine andere, Entlehnungen in beiden Sprachen aus einer gemeinsamen dritten Quelle, Wörter als Erbe der Ursprache und Wörter, die aufgrund gleichartiger Nachahmungen gebildet worden sind.

Bisher betrachteten alle Forscher nur die bulgarisch-tschuwaschischen Einflüsse auf das Ungarische, aber für den umgekehrten Einfluß hat sich niemand interessiert. Auch die traditionelle Lösung dieses Problems erfordert eine Revision. In den etymologischen Wörterbüchern der ungarischen Sprache gibt es solche Bemerkungen wie «Wörter unbekannter Herkunft» u. ä., was von der Wichtigkeit der etymologischen Forschungen zeugt.

